

Мартыненко Александр Валентинович

**САЛАФИТЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ,
ДЕСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**

В статье анализируются особенности распространения на территории постсоветской России салафийя (ваххабизма) – радикального течения в исламе суннитского толка. На основе привлечения материалов Северного Кавказа и Поволжья показана региональная специфика салафитских групп в РФ, а также степень угрозы для российского государства со стороны данного течения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-3/29.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. III. С. 112-114. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 28“1991...

Исторические науки и археология

В статье анализируются особенности распространения на территории постсоветской России салафий (ваххабизма) – радикального течения в исламе суннитского толка. На основе привлечения материалов Северного Кавказа и Поволжья показана региональная специфика салафитских групп в РФ, а также степень угрозы для российского государства со стороны данного течения.

Ключевые слова и фразы: салафийя; салафиты; Российская Федерация; Северный Кавказ; Поволжье.

Мартыненко Александр Валентинович, д.и.н., доцент

Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева

arkanaddin@mail.ru

САЛАФИТЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ, ДЕСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ[©]

Статья выполнена в рамках проекта «Научно-методическое обеспечение профилактики экстремизма и ксенофобии в системе российского образования» (Государственное задание Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»).

В последние годы о салафитах написано огромное количество книг и статей, авторами которых выступали как отечественные и зарубежные светские ученые (исламоведы, религиоведы, политологи), так и мусульманские богословы, являющиеся оппонентами или, напротив, приверженцами данного религиозно-политического течения в исламе суннитского толка.

Правда, термины «салафийя», «салафиты», являющиеся, по сути, самоназванием этого течения, во многих книгах и статьях представлены не всегда. Чаще употребляется общепринятое, но не совсем корректные названия «ваххабизм», «ваххабиты», происходящие от имени «отца-основателя» салафийя – аравийского проповедника XVIII столетия Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба. В данном тексте здесь и в дальнейшем будет все же применяться термин «салафийя» (за исключением некоторых цитат) как более адекватный и, по мнению автора этих строк, уместный в научной литературе.

Интерес к салафийя и салафитам, столь резко возросший на рубеже XX-XXI веков, прозрачен, понятен и очевиден. Здесь не нужно быть специалистом в области исламоведения или политологии. Достаточно включить телевизор, раскрыть газеты или прибегнуть к услугам вездесущего Интернета. На людей буквально обрушился поток информации о действиях поборников так называемого «радикального ислама». Атаки террористов на США 11 сентября 2001 года и последовавшие за ними «войны 9/11» в Афганистане и Ираке; диверсии экстремистского подполья на российском Северном Кавказе; события «Арабской Весны» 2011 года, приобретшие особенно кровавый характер в Ливии и Сирии; глобальная террористическая сеть «аль-Каида» – все эти процессы и явления современной истории не только вызывают законную тревогу политических деятелей и ученых-экспертов, но и создают в сознании рядовых обывателей искаженный образ ислама как религии якобы имманентно нетерпимой и агрессивной. Последнее, в свою очередь, вызывает не менее законную озабоченность, если не сказать обиду миллионов мусульман, вынужденных защищать свою веру от подобных обвинений.

История салафийя – религиозно-политического течения в исламе суннитского толка – началась в Центральной Аравии в XVIII столетии. Основателем указанного течения был мусульманский проповедник и судья (кади) Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб (1703/04 – 1787/91 гг.), изложивший свои идеи в богословском трактате «Китаб ат-Таухид» («Книга единобожия») [11]. Стержневой идеей его консервативной, по сути, концепции стало «очищение» ислама от всех новшеств как «недозволенных» (араб. «бид’а»). Важное место в учении Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба занимает идея джихада-войны против немусульман, а также против мусульман, которые отступили от норм раннего ислама и потому, по мнению салафитов, хуже «неверных». Исходя из данного постулата, салафиты безапелляционно объявляют абсолютное большинство мусульман вероотступниками, а себя – истинными хранителями и ревнителями исламского правоверия. В течение XIX столетия салафийя широко распространилось за пределами Аравийского полуострова. Крупные салафитские общины возникли в Индии и Афганистане, мусульманских регионах Юго-Восточной Азии, в Магрибе и в Тропической Африке.

Во второй половине (особенно в последней четверти) XX века произошла глобальная активизация салафитских и иных радикальных групп в мировой умме (мусульманской общине). Более того, в XX столетии формируется своеобразная интеллектуальная элита исламского радикализма, яркими представителями которой стали египтянин Сайид Кутб (1906-1966 гг.) и пакистанец Абу Аля аль-Маудуди (1903-1979 гг.) [1-4; 13; 14; 16]. Французский исламовед Ж. Кепель, анализируя современный исламский радикализм, отмечает: «В то время как уход религии в сферу частной жизни казался незыблемым достижением современного мира,

внезапная экспансия политических групп, движимых желанием провозгласить исламское государство, признававших клятву только на Коране, призывавших к джихаду – священной борьбе за дело Божие – и вербовавших активистов среди городского населения, поставила под вопрос многие истины. Поначалу эти группы вызывали отторжение, смешанное со страхом: левые интеллектуалы – как на Западе, так и в мусульманском мире – видели в них религиозный вариант фашизма, либералы – возрождение средневекового фанатизма. Затем, по мере того, как эти движения приобретали все больший размах, многие из их критиков оказались в замешательстве» [7, с. 19]. Основная опасность со стороны радикальных исламистских (салафитских, иных) групп заключается в создании ими военно-диверсионных структур, не имеющих жесткой привязки к отдельным государственным преобразованиям. В настоящее время мы наблюдаем усиление салафитских движений в странах Магриба и Восточного Средиземноморья в результате широко известной «Арабской Весны» 2011 г.

Как известно, в 1990-е – начале 2010-х гг. российская умма (мусульманская община) пережила процессы организационного и культурного возрождения. Однако этот позитивный процесс осложнился таким деструктивным явлением, как формирование в среде российских мусульман течений, организаций и групп, идеологически связанных с салафийей.

История проникновения салафийей на территорию России берет начало еще в советский период, когда первые приверженцы этого учения появились на Северном Кавказе. Правда, к 1982-1984 гг. советские и партийные власти при поддержке органов КГБ и МВД временно подавили эти сообщества.

Движение российских салафитов окончательно оформилось организационно и идейно, образно выражаясь – пережило второе рождение на волне оживления исламских традиций, охватившего Северный Кавказ во второй половине 1980-х – 1990-е гг. Вскоре среди салафитов этого региона стали создаваться военизированные формирования.

Салафиты Северного Кавказа приняли самое активное участие в крупнейшем военно-политическом конфликте в истории постсоветской России – конфликте, за которым уже прочно закрепилось название «чеченской войны», хотя боевые действия неоднократно происходили и в соседних с Чечней регионах. Салафиты провели ряд крупных вооруженных атак за пределами Чечни – нападение боевиков Ш. Басаева на город Будённовск в Ставропольском крае (1995 г.), нападение боевиков С. Радуева на город Кизляр в Дагестане, завершившееся их неудачной осадой российскими силовиками в поселке Первомайский (события 1996 г.), и, наконец, вторжение международных террористических отрядов в Дагестан в 1999 г. В начале 2000-х гг. в ходе боевых действий на территории Чечни российская армия нанесла ряд серьезных поражений салафитским вооруженным формированиям. Были уничтожены многие лидеры боевиков – Ш. Басаев, Хаттаб, и др.

Однако салафитское вооруженное подполье на южных рубежах России остается серьезным дестабилизирующим фактором и в начале 2010-х гг.: «Ваххабиты на Северном Кавказе, безусловно, несут определенный дестабилизирующий заряд в силу не только экстремистского характера своего учения, но также и в силу сложившейся там в последние годы сложной экономической и политической ситуации» [12, с. 283]. В настоящее время салафитское вооруженное подполье проявляет повышенную активность уже не в Чечне, а в Дагестане [8], Ингушетии, Кабардино-Балкарии [5]. В качестве руководителя боевиков сегодня себя позиционирует Доку Умаров, объявивший создание «виртуального» государства «Имарат Кавказ». Салафиты совершают «акции устрашения», убивая чиновников, а также мусульманских религиозных деятелей, лояльных российским властям. Они ведут и военно-диверсионную деятельность, нападая на милицейские посты, армейские КПП, подвергая обстрелам автоколонны и т.д.; широко применяют смертников-шахидов, в том числе шахидов-женщин. Наконец, салафиты Северного Кавказа не оставляют попыток перенести боевые действия на территорию Центральной России, подвергая атакам Москву. Примеров тому множество: взрывы жилых домов в Москве в 1999 г., захват заложников во время спектакля «Норд-Ост» в 2002 г., взрывы женщин-шахидов в московском метро 2010 г., взрыв шахида в международном аэропорту «Домодедово» в 2011 г. Совершенно очевидно, что все указанные выше атаки преследуют политическую цель продемонстрировать уязвимость столицы и, шире, российской власти перед террористами.

Таким образом, приходится констатировать, что в настоящее время не сформировано устойчивой тенденции к снижению активности салафитских групп на Северном Кавказе.

Более того, в 1990-е – начале 2000-х гг. салафийей активно распространяется в Поволжье, особенно активно — на территории Республики Татарстан.

Например, в течение 2004-2005 гг. участниками салафитской группы из Татарстана был осуществлен ряд террористических актов: 19 ноября 2004 г. – взрыв трубы газопровода у деревни Петряево Кировской области; 30 января 2005 г. – взрыв трубы газопровода у села Новочеремшанск Ульяновской области; 1 июня 2005 г. взрыв опоры линии электропередач у деревни Большие Нырсы Тюлячинского района Республики Татарстан; 28 июня 2005 г. – взрыв трубы нефтепродуктопровода у поселка Ковали Лаишевского района Республики Татарстан. Теракты не повлекли за собой человеческих жертв, но государству был нанесен значительный материальный ущерб. Все установленные участники этой организации были арестованы правоохранительными органами и в 2007 г. Верховным судом Республики Татарстан привлечены к уголовной ответственности в виде лишения свободы на сроки от трех до семнадцати лет.

Помимо Татарстана, салафитские ячейки были обнаружены и в других регионах Приволжского федерального округа – Ульяновской области, Республике Чувашия, Республике Мордовия.

Так, например, на территорию Республики Мордовия идеи салафийя проникли в 1997 г., во многом усилиями эмиссара-проповедника из Астраханской области (из общины Айуба), некоего Олега Марушкина, принявшего ислам под именем Абузар. Прибыв в Мордовию, он обосновался в селе Белозерье Ромодановского района республики, где начал активно привлекать сторонников из числа сельской татарской молодежи. Недовольство большинства татарского населения республики, исповедующего традиционный ислам суннитского толка, и энергичные контрмеры, предпринятые республиканскими силовыми структурами, заставили господина О. Марушкина (Абузара) покинуть пределы Мордовии. Но салафитская пропаганда не прошла бесследно – последователи «изгнанного» проповедника основали собственную общину, которая сохранялась в Белозерье до начала 2000-х гг. [10; 15].

Более того, в 2004-2007 гг. на территорию Мордовии неоднократно проникали эмиссары, проповедники и даже боевики различных экстремистских исламских групп – от пресловутого «ульяновского джамаата» до более известной «Хизб-ут-Тахрир». Сенсациями для маленькой поволжской республики стали задержание в Саранске боевика одного из среднеазиатских филиалов «аль-Каиды» (2005 г.) и женщины-шахида с Северного Кавказа (2007 г.).

Таким образом, вышеуказанные факты являются свидетельством формирования в Центральных регионах России, включая Поволжье (и, в частности, Республику Мордовия), разветвленной сети исламистских группировок экстремистского толка, деятельность которых направлена на общую дестабилизацию политической и этноконфессиональной обстановки в регионе. Преуменьшать и тем более игнорировать эту тенденцию крайне недальновидно и даже опасно.

Противодействие салафитскому экстремизму может быть эффективным только в случае реализации широкого комплекса мер, включающего в себя не только силовое подавление террористов (к слову, тоже крайне необходимое для сохранения целостности страны), но и продуманную социально-экономическую, культурно-просветительскую политику.

Список литературы

1. Абуль аль-Аля аль-Маудуди. К пониманию Ислама. Новосибирск, 1995. 108 с.
2. Абуль аль-Аля аль-Маудуди. К чему призывает Ислам. М.: Сантлада, 2001. 31 с.
3. Абуль аль-Аля аль-Маудуди. Мы и западная цивилизация. М.: Сантлада, 1993. 174 с.
4. Абуль аль-Аля аль-Маудуди. Образ жизни в Исламе. М.: Сантлада, 1993. 95 с.
5. Аккиева С. И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской республике (постсоветский период). М., 2002. 441 с.
6. Заурбекова Г. В. Ваххабизм в Чечне. М.: ИЭА РАН, 2003. 28 с.
7. Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. 400 с.
8. Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане. М.: ИЭА РАН, 2004. 222 с.
9. Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 180 с.
10. Мартыненко А. В., Шилов Н. В. Социокультурные и этнополитические особенности ислама в Республике Мордовия // Сборник Русского исторического общества. Россия и мусульманский мир. М., 2003. Т. 7 (155). С. 226-233.
11. Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими (Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб). Китаб ат-Таухид. Книга единобожия. М.: Бадр, 2000. 254 с.
12. Российский Кавказ: книга для политиков / под ред. В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2007. 384 с.
13. Сайид Кутб. Будущее принадлежит Исламу. М.: Сантлада, 1993. 104 с.
14. Сайид Кутб. Под сенью Корана. М.: Умма, 2003. 538 с.
15. Martinenko A., Shilov N. Social and Cultural Aspects of Regional Islam in Russia. On the Example of the Republic of Mordovia // Lo Straniero. 2003. № 37. P. 38-39.
16. Moussalli A. Radical Islamic Fundamentalism: the Ideological and Political Discourse of Sayyid Qutb. Beirut, 1992. 262 p.

SALAFISTS IN POST-SOVIET RUSSIA: SPREAD HISTORY, DESTRUCTIVE POTENTIAL

Martynenko Aleksandr Valentinovich, Doctor in History, Associate Professor
Mordvinian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsev'ev
arkanaddin@mail.ru

The author analyzes the features of Salafi (Wahhabism) spread – the radical branch in Sunni Islam – within post-soviet Russia, and basing on the materials of North Caucasus and Volga region shows the regional specificity of the Salafi groups in the Russian Federation, as well as their threat to the Russian state.

Key words and phrases: Salafi; Salafists; the Russian Federation; North Caucasus; Volga region.